

Утренний выпускъ.

Объявленія за строку пегита или заним. ею мѣсто: въ Латвіи въ текстѣ 1 Л. 40 с. 70 руб.), предл. груда 14 с. (7 р. позади текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога. Для заграницы 10 амер. цент. за строку

СЕГООДНЯ

№ 15.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

9-й г. изд.

**Четвергъ,
20 января 1927 года.**

Цена номера въ Латвіи 12 сент. 6 р.) въ Литвѣ за оба изд. 60 цент., въ Польшѣ за оба изд. 50 грш., за утр. 30 грш., за воскр. 35 грш. Подп. плата на „Сегоднѣ“ въ мѣсяцъ (за 7 ном. въ нед., въ Латвіи 5 Л. 5 с. 175 р. за гр. 5 Л. 20 с. 260 р. или 1 амер. долл. Подп. пл. на „Сегоднѣ“ и „Сегоднѣ Вечеромъ“ (13 ном. въ нед.) въ Латвіи 5 Л. 15 с., за границей 8 Л. 50 с. или 1,70 америк. долл. Редакция: Рига, Мельничная 57 (уг. Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. крон. — 21733 и 2134; ночн. ред. — 21225. Главн. контора и экспедиція: Рига, Мельничная ул. 57. Тел. конторы 21030, тел. рекл. ота. 21225.

Мое участие во групп „Знание“.

(Отрывки воспоминаний).

Партийная нетерпимость. — Переезд в Петербург. — Демонстрация на Казанской площади. — Снова на Волге. — «Картины провинциальной жизни». — Организация издательства «Знание».

Возвращался в Минск я радостным, потому что было гораздо счастье сборщик дубинки: я вез с собой две книги А. П. Чехова со своего автографом. Свиданье с А. П. Чеховым сильно меня пободило. По своей природе его натуре доброжелательности ко всем писателям, они меня похвалили, сказали, что у меня есть талант писателя, дайте мне, пожалуйста, адрес, чтобы я написал не меньше десяти книг. Точно дайте свое благословение! Подогревая темп моего творчества.

В разных журналах появлялись мои рассказы и повести: «На столбах», «Танго счастье», «Именинники», «Будущий сын», «Муж с революционером», «Пензоры», «Юта и Омега», «Волшебный меч горы», и две крупные вещи — «Испытания» и «Чужеземцы». Об этих повестях сообщали с сопровождением большим шумом, как в столичной критике, так и вообще в революционно-интеллигентской среде, которая в них описывается.

Об этих повестях были встречены с злобой партийной нетерпимостью. Я неожиданно, без зарплате обдуманного намерения, кивнул, видимо, больше всего, а кому, за который меня похвалили А. П. Чехов, оскорбил прямолинейные «партийные сердца». Хотя я сам давно оторвался от революции и всякой интеллигентской кружковщины, но настроение мое продолжало оставаться «революционным» и мне даже и в голову не могло тогда прийти — высказывать, как называли тогда, «бороться за идею народного освобождения». От начавшейся уже тогда борьбы между народниками и марксистами я стоял в стороне и вылезал, и лишь с добродушным юмором и полной художественной объективностью описал кружковую жизнь провинциальной интеллигенции, с ее наиболее типичными терзали. Но так как появление этих повестей совпало с началом пересмотра интеллигентской революционной идеологии, то и мои беззастенчивые правдивые повести были восприняты, как участие в словесной дуэли между участниками и марксистами, при чем обе стороны начали ругать автора, особенно же народники в лице критики Г. Скабичевского. В «Звончике» разрыв с «Русским Богатством» и скорее механическое, чем ицелное,

сближение с журналиками, иппушими новых путей...

Взаимолучная писательская дружба всей этой неожиданной историей, но в столицу шум, гремят витки, кипит словесная война, а у нас в Минске — тишь да гладь, да Божья благодать. Течет себе мирная семейная жизнь секретаря Ливанов-Романского Контроя... У нас уже трое ребят. Все на знакомства с Минском, за исключением одного, с будущим Героисмом, а пока фармацевтом Герушину—Благородным, если не считать духа инвализации от революции: мирно служащий на Акцизном управлении Г. Ковалев и старший контролер Г. Прерванского, который когда-то был в тюрьме и сыскал, а теперь любовно читал «Новое Время».

Вот тогда Минском есть неблагонадежное гильдо: помыслил Г. Вончак-Осмоловский — он стоит на платформе отторжения земли у помещиков и иногда лбом там появляются следующие революционеры, уже не инвализи, а так, например, сама будущая «блудница революции» Тамббавать и обиски... Как волна из моря, а он все в это поглядывал: Обсуждая там революционным духом, провозврат провинциальной и чиновничью затхлость жия... Взаимолучная душа, потянуть куда-то. Станет случилась Контроя, где службу с... чинниками и дуками, вдруг их покатили куче торым... Там же уже помощник контролера и губернской секретари, ищущий орден Станислава 3-ей ст. с Высочайшим грамотом, в которой написано «Нашему губерскому секретарю».

В 1901 году я получил новое повышение по службе: меня прозвали в контролеры, с жалованием в 1800 руб. Ничто не препятствовало мне продолжать литературную работу. Но в это время в Петербург организуется небольшой журнал «Звизн» в большой ежемечесник под редакторством В. А. Поссе и я получаю приглашение вступить в члены редакций. Как чиновник, суд. контролер и кавалер ордена Станислава 3-ей степени, я уже не нуждался в свидетельств о благонадежности и разрешении жить в столицах. Хот-ля я устоять от соблазна? Не смотря на все уговоры начальства, по-

даю в отставку и, оставив семью в Минске, еду в Петербург. Накопилось у меня свободный художник... Настоящий столичный писатель! Приезжая, выяснил материальную условия своего нового положения: они весьма скромны и на один литературный заработок с такой семьей в столице не проживешь... Что делать? Литературные друзья наши ходы в министерство земледелия и меня инвизировали на госуд. службу в лбоний департамент на должность исп. дел старшего лбонийского таксатора. Случилось это в феврале, а в марте мы съездили я попал снова в неприятную историю.

На Казанской площади должна была произойти студенческая сходка. Несколько писателей, в том числе и я, пошла с целью предупредить возможное участие молодежи, и когда они начали пытаться остановить естественный вышестельством. Несколько из нас избили, особенно пострадал Н. Ф. Анненский, а я отбился лишь протоколом в участии и был освобожден. Возбужденные писатели оставили протест-воззвание пр. представителям всемирной науки, искусства и литературы и начекали нас за гарнизонных газетках. Конечно, и мы подписи фигурировала под этим протестом. Произведенным дознанием было установлено, что я один в двух лицах: неблагонадежный писатель с «политическим прошлым» Евгений Чирков и старший таксатор лбонийского департамента, губернской секретари и кавалер ордена Станислава 3-ей степени, Евгений Николаевич Чирков. Как первое, мы с председателем лбонийского министерства в то время, а как второе — дапа отсрочка на три месяца.

К счастью в то время у меня были связи с пароходно-транспортным обществом «Надежда», где уже называли себя притом немало людей с «политическим прошлым». Между ними был и отец нашего тепер в России художника Юрия Анненкова, Павел Семович Анненков, потомок декабриста. При его помощи я и очутился в «Надежде» в качестве контролера по транспорту на участке от Архангельска до Нижнего-Новгорода. Это было большое счастье, ибо возвращало меня к любимой Волге. Жил сперва в Ярославле, потом в Нижнем-Новгороде. Служба была разбавлена, сегодня здесь, завтра там, тысячи новых встреч с людьми всевозможных классов и профессий, сотни городов, свобода, больших сел, нескончаемые источники новых впечатлений! Волга, Шексна, Ужга, Керженец, Ога, Ветуга, — где я только не бывал, за 2 года службы в «Надежде»!

Постоянные разъезды мбляли серьезной творческой работой, но помогли мне вести в журнал «Звизн» ежемечесные обзорные провинциальной жизни в живой полубеллетристической форме. Эти обзорные с юмористическим-сатирическим подтоном, где охватывали провинциальную хахуластную жизнь произвели на мбхстах огромный переносил среди обывателей и мбстного начальства, и ко мне, через редакцию, полетели письма из самых отдаленных уголков необжитой России. Все, что мбхстам, неизменно усматривать не могло понасть в провинциальных газетах, попадало ко мне, как в особую инстанцию объяснения. У меня появились свои особые корреспонденты-искатели правды, снабжавшие меня неисчерпаемым материалом для «Картинок провинциальной жизни». Моим именем стали пугать своих правот обыватели: «Надо написать Евгению Чиркову!» Эти обзорные я велл постепенно в журналы «Звизн», «Русская Мысль» и «Вестник Европы». Наиболее удачные из них, на нестарых темы, были поимь изданы в двух книжках под заголовками «Тихий омут» и «Взаимолучный омут».

В Ярославле встретился с двумя будущими знаменитостями: с тогдашним губернатором в Ярославле, впоследствии премьер-министром революционного времени, Г. Штернбергом и с молодым человеком, Каляевым, будущим убийцей царского министра Сергеев. С Сергеевым по дблмат губернской аркивной комиссии, где он представлялся, со вторым — в редакции мбстной газеты, кажется «Сверный Вестник», где Каляев велл хроник и пописывал стихи. Такой тихий, скромный и застывшийся юнша, мимо которого я пролеп, как-то исколь, не останавливался. С виду совсем сберный человек. Жил там тогда еще покойный писатель Михнев, называл студент Григорий Алексиский, отец которого служил в Ярославле горюдским врачом и был моим другом.

Из Минска мы привезли четверых ребят, в Ярославле родился пятый и последний. Всех стало пятеро: три дочери и два сына. А китро выпустить в свет только еще три! В 1902 года меня перевели в Г. Нижний-Новгород, с повышением по службе. Но здесь я и бросил эту службу, чтобы никогда уже больше не служить и отлаться исключительно литературному труду.

Событие это совпало с появлением на свет нового столичного издательства «Знание» и тбнным сотрудничеством, установившимся между М. Горьким и кружком так называемых «новых писателей», в чис-

которых преобладали тогда и я, ибвильный уже очень популярный ния среди читателей и критиков того времени.

Г. Г. Поссе, Патинский, Протопопов, Александринский, организовали товарищество на правах «Знание», около которого и группировалась кучка «новых писателей». Надо сказать, что в конце девятидесятых годов обнаружилось уже явкий перелом в построении нашей общественности. Длительная реакция как бы выдыхалась, а вместе с ней начинала спадать Чеховская умеренность и апатичность интеллигенции. Именно с этим моментом и совпадает построения литературно-революционной «Знание», в которой заборнизировались почти все революционные и оппозиционные настроенные писатели, беллетристы и поэты, с самыми модными тогда М. Горьким во главе.

Надо еще сказать, что некоторое время эта крутилась осталась безартичной и потому тут ядом с новоявленными, марксистами, были и старовые пародники. Горький, Андреев, Купинский, Чирков, Вересени, Ски-таель и другие, — все в одной кучке. Книжки не печатались только в «Знание», текущее произведение печаталось только в его сборниках. Однако никто из нас, кроме М. Горького, палинником издательства не состоит и пользуется лишь повременным сравнительно с прочими издательствами гонораром... Дбля издательства идут бастение, писатели быстро расходуются, дбляются модными, выпускаются потонными изданием в размах до 70 тысяч...

Не знаю закусинских стопор издательства. Скоро случается так, что все прочие палиники были вычерты и осталось товарищество из двонх: М. Горького и Патинского. М. Горький, ибвильный тогда ибени «безумству храбрости» и человеку, ачущему горло, дбляется лакомым куском для подпольных большевиков с Ленинским во главе. На Горького охотятся все революционные партии и они поимелье сконсотины как самой крайней, Ленинской групп. Пока «большевики» были «революционными» социаль-демократическими, в крутиности «Знание» все было спокойно и сотрудничество продолжалось...

М. Горький жил в Нижнем-Новгороде и мы дружили с ним. Прбжав прима от имени в Нижний то Андреев, то Патинский, то сынянник Григорий Петров, то сынянник издательства и литературного или художественного мира — и жизнь наша постоянно взбуждалась.

Со временем моего пребывания в Нижнем-Новгороде сыняно мое постоянное устремление в драматургию.

ЕВГЕНИЙ ЧИРКОВ.